

ИМЯ Булгакова в нашей жизни участвует в самых неожиданных ассоциациях, формируя гармонические пары и демонические парадоксы. Самое естественное из этих сочетаний — Булгаков и свобода, Булгаков и демократия.

Булгаков — изначально свободная творческая личность. Откройте его романы. Сколь неповторима эта вольная, неспороченная русская речь — после долгого чтения современной литературы, отечественной и переводной. Почти осязаемое авторское дыхание, внезапные, как зарница, инверсии, неловко, не точно поставленные слова, от которых появляется эффект сверхчеловеческой, надчувственной точности и ловкости.

Это первое впечатление, и оно, как первая любовь, не обманывает. Как косточка мамонта в руках палеонтолога, оно позволяет ощутить целое, увидеть главное. А главное в том, что Булгаков всем обликом и творчеством утверждает мысль: писатель и неволь, писатель и насилье — две вещи несовместные. Почти по Пушкину, по «Моцарту и Сальери».

Отсюда — основная конфликтная ситуация булгаковского творчества: спор между Людовиком и Мольером, Пилатом и Иешуа, Мастером и Воландом. Отсюда — полная несовместимость между Булгаковым и социалистическим реализмом, между Булгаковым и литературным (да и прочим) начальством. Отсюда сталинские заигрывания по телефону — и сталинская кара: наказание безгласностью. Вся булгаковская жизнь, все булгаковское наследие — это современная версия «Моцарта и Сальери», где Моцарт — мастер, а Сальери — власть.

И отсюда эзопов язык булгаковской сатиры, система намеков, художественная тайнопись, подчас заставляющая сегодняшних толкователей фантазировать на пустом месте.

Легче легкого поставит читателя в тупик, спросив: «О чем роман «Мастер и Маргарита»? (А я буду ссылаться прежде всего на этот роман). О любви? Да, о любви! О верности? Да, о верности! О предательстве и совести? Разумеется, о них. О метаморфозах человеческого бытия? Пожалуй. Но всеобъемлющий ответ: о свободе.

В самом деле, какую романную коллизию ни возьмем, она энергетически перепадом свободы в несвободу (или наоборот) обусловлена — как водопад на горной реке — разностью высот. И эта позиция заявляет себя на первых же страницах: «Кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?» Голос Воланда пронизан уверенной интонацией осведомленности, но — потусторонней, иррациональной, нам, смертным, недоступной. «Никогда не разговаривай-

те с неизвестными», — предупреждает автор. Воистину так: ибо неизвестные у Булгакова вещают от имени и по поручению Великой Неизвестности, Провидения, Предопределения, Высшего Разума, вообще какого-то Его, чье имя не принято произносить. Есть ли среди его имен это сладкое слово свобода? Вот-вот, мы подошли к главному, к теме этого романа, к пропасти, разверзающейся перед его героями, к возможности (или невозможности) заглянуть за кулисы судьбы, истории, чтобы узнать, «кто же управляет жизнью человеческой».

«Невидима и свободна! Невидима и свободна!» В этом восторженном возгласе Маргариты с великой лирической силой воплотились неосуществившиеся мечты булгаковской души. Это она, его душа, на деле прикованная к тюремной реальности тридцатых годов, рванулась через единственное ей доступное пространство, через королевство вымысла в светлый, безграничный мир, где нет ни цепей, ни решеток, ни кандалов.

Натура Булгакова — драматурга в романах, романиста в пьесах — жаждет сценической определенности: ну можно ли довольствоваться общепрофессиональными концепциями? И свобода духа оказывается в фокусе нескольких диалогов, дискуссий, симпозиумов (Берлиоз — Воланд, Пилат — Иешуа, Иван Бездомный — Мастер, Маргарита — Азazelло и т. д.). Если бы подобные споры завершались на современный манер резолюциями, то их финалы, тоже на современный манер, выразились бы в туманных многоточиях. А впрочем, почему «выразились бы» — они и впрямь выразились. Ибо что же такое обретаемый мастером покой, если не многоточие? И, добавлю, — безысходное, пессимистическое? В переводе на язык трезвых реалий: нет у художника из поединка с властью иного выхода, кроме как прямой дорогой на тот свет.

И все же Булгаков не был бы Булгаковым, если бы мирился с этой тупиковой безнадежностью. Булгаков знал еще один выход: через «Мастера и Маргариту», через творчество. Он уходил в свою литературу, как в изгнание и как в укрытие, она была для него временем и пространством вне времени и пространства. Хотя, с другой стороны, он, противоречивый, ранимый, желчный, всегда находился здесь, на этой грешной земле — темпераментный репортер, фельетонист, обличитель, этаким собственным корреспондентом собственной совести. Мастер точного социального диагноза — вспомним Шарикова из «Собачьего сердца» — и мастер долгосрочных прогнозов, некоторые из коих с такой мрачной точностью подтвердились эпизодами нашей истории: Чернобыль, «Адмирал Нахимов»...

Почему волновала Булгакова проблема свободы? Прежде всего потому, что свирепый дефицит свободы бушевал вокруг него, в обществе, утратившем элементарные признаки общества. А еще — потому что был лишен минимальной свободы: свободы самовыражения.

Но Булгаков способен отрешиться от культурного дальтонизма в трактовке Воланда. Монархическое начало — только одна грань этой фигуры. Воланд такой. Но он и другой. Он единство и борьба противоположностей, если воспользоваться тогдашней терминологией. Он

содержательная: разница мнений. Поэтому персонажи романа — историки. Либо творцы истории, либо толкователи. Историком именует себя с оттенком сарказма Воланд. Историк по анкетной специальности Мастер. К титулу профессора историка прибавляет судьба, как к по-

вуализированности неочевидному). Резко критиковали сатирика Н., затем не менее резко критиковали сатирика О. Параллельно могли произноситься пламенные речи о том, как нам нужны Гоголи и Щедрины. Но независимо от того, допустил ли кто художественный — или, Боже упаси, идейный — промах, пишущей публике становилось ясно: сатира в опале. Персона нон грата плюс персона нон грата дают в сумме литературу нон грата.

Другой пример — детектив. Жанр этот — спутник демократии. Закрутят гайки — и не будет никакого детектива, как не было его у нас в тридцатые вплоть до середины пятидеся-

тых. До хрущевской оттепели не было никакого Булгакова. Медленно, нерешительно началось воскрешение крамольного, полузагадочного имени: сперва пьесы (чуть-чуть, тоненькой книжечкой, потом побольше, потом еще побольше), «Записки юного врача», журнальная версия «Записок покойника» (но под спокойным названием «Театральный роман»). К. М. Симонов сказал по этому поводу: «Лучше напечатать «Театральный роман», чем не напечатать «Записки покойника». А на излете 1966 года — одиотомник прозы и первая часть «Мастера и Маргариты».

Внешне — победоносное шествие. Но сколько за картины кажущегося благополучия уступок, жертв, купор, сколько всяких: «А что сказал цензор?» Сколько шагов назад после кажущегося рывка вперед — и все-таки, вопреки всему, сколько шагов вперед! Кто-то из булгаковедов год-два назад высказался на страницах «Литературки»: появление «Мастера» в условиях воцарившегося застоя было чудом. Согласен. Но надо добавить: за чудом стояли живые, реальные люди, не сидевшие сложа руки, — Симонов, С. А. Ляндрес, многие тогдашние сотрудники журнала «Москва». Мне выпала честь писать статью, оправдывавшую появление публикации, и я на себе испытал шаткость приближавшегося успеха, я ощутил реальную опасность поворота: сегодня редакция намерена «двигать» Булгакова, а завтра, по команде сверху, рвет на себе волосы в порыве самокритики и покаяния. К счастью, необходимость в подобных акциях, если и возникала, то постфактум, когда главное свершилось и роман, пускай пощипанный цензорами, все же вырвался на свободу. Тут-то одна высокопоставленная (впрочем, не слишком высоко, на уровне горкома) дама произнесла: «Зачем журнал «Москва» напечатал роман «Мастер и Маргарита»? Повяло холодом — бр-р!

Через семь лет последовало сенсационное издание романов Булгакова с полным, несокращенным текстом «Мастера». Тираж в тридцать тысяч почти полностью ушел за границу, а у нас распространялся преимущественно среди сановников в ранге первых секретарей обкома. Симонов, открывший одиотомник вступительным словом, подарил мне экземпляр...

Холода наступали — холода отступали. Через десять лет после первой публикации «Мастера» на Таганке появилась инсценировка романа. Помню, как хотелось мне откликнуться на спектакль рецензией — все в той же «Литературке». Увы, газета выжидала. Наконец, ситуация разъяснилась: холода отступали — холода наступали. На страницах «Правды» была напечатана статья под красноречивым названием: «Сеанс черной магии на Таганке». Теперь больше не следовало суесть: в ту пору рецензия «Правды» пресекала на корню все иные точки зрения.

Перелом в жизни страны, начавшийся с перестройкой, мгновенно отразился на судьбах и функциях булгаковского наследия. Если раньше, в «застой», «Мастер» был своеобразным термометром, индикатором максимума духовной жизни (что дозволено?), «где проходит граница между можно и нельзя?», то теперь он стал активным инструментом прогресса, не просто прорывом в свободу-мыслие, а отвоеванным у мракобесия рубежом, на который взошла равнина вся отечественная культура. Помню статью Д. С. Лихачева, где он смотрел сквозь призму «Мастера» на всю отечественную — тогда еще запрещенную или полузапрещенную — словесность. И мы ахали: «Живаго» упомянул! Булгаков становился рычагом перестройки. Извлечение мастеров из забвения производилось с помощью «Мастера». А давно ли Елена Сергеевна Булгакова не давала мне вынести роман из дому: боялась, как бы не постигла его участь «Доктора Живаго». На дворе стоял еще только шестьдесят второй год...

Отношение властей к «Мастеру», как в известном анекдоте, колебалось вместе с демократией. Сам мастер не колебался: ни в отношении к властям, ни в демократических устремлениях. И порыв к свободе одухотворял каждую его строку. Хотя он не был свободен от пут времени и временщиков.

Сегодня мастер воистину свободен. «Свободен! Свободен!» — можем воскликнуть мы, следуя финальным страницам его великого романа. Свободен — и с нами!

А. ВУЛИС,
доктор филологических наук, профессор.

«СВОБОДЕН!..»

К 100-летию
со дня рождения
М. А. Булгакова

Булгаков хотел объяснить со своим временем, избрав себе в собеседники самую представительную его фигуру. Инерция монархических суеверий толкала писателя к заочному телепатическому общению с тираном, работавшим под всеобщего друга, учителя и благодетеля. Роман «Мастер и Маргарита» был булгаковской речью, булгаковской «партией» в этом несостоявшемся разговоре.

Елена Сергеевна Булгакова рассказывала мне: «Миша иногда просыпался и говорил:

— Представляешь, наступит момент, когда Он это прочтет — и мигом все переменился...» Ох, уж эта наивность, это парадоксальное сочетание грезвого реализма с наивным монархизмом, сатирического ясновидения — с верой в доброго царя!

К вопросу о добром царе. Только одна иллюстрация: фигура Воланда. Именно этой всемогущей персоне дарует писатель рассуждение о фактах, которые упрямая вещь. Всякий современник тридцатых годов без раздумий соотнесет ее с плакатным кумачом и фразой — белым по алому: «Факты — упрямая вещь». И с подписью под сим сомнительным первооткрытием: «И. Сталин». Властелин, проливающий кровь во имя человеческого блага, — таким представлял себе (и читателю) Воланд Булгаков, пытаясь сотворить из прототипического материала образ справедливого монарха.

Намеки на переключку между Воландом и вождем народов неоднократно. Серое рубище литературного персонажа, естественно, ассоциируется с серой шинелью персонажа реального. Молодые и черные соратники сатаны булгаковского — с усами и бронежилетом сталинской свиты.

сатрап, и он связан между Мастером и Иешуа, он московский граф Монте-Кристо и цирковой фокусник. И он, что чрезвычайно важно, повествователь, рассказчик, литератор.

Почему это важно? Потому что «Мастер» — роман разноголосый, говоря по-сегодняшнему, плюралистический. И отсюда парадокс: большинство его действующих лиц — лица разговаривающие, писатели, сочинители, по меньшей мере репортеры. К писателям принадлежат Берлиоз и Иван Бездомный, готовятся к созданию документального шедевра Левий Матвей, свою версию Нового завета слагают Воланд и Мастер.

И еще одна подоплека у этого многоголосия имеется. Смысло-

следней пристани, Ивана Бездомного...

К нашему времени и сам Булгаков, историк всех этих историков, становится объектом истории, а его наследие — мерилон нашей демократии, особенно в шестидесятые и последующие годы. Что ж, литература — чуткий регистратор социальных перемен, социальной динамики, социальных обстоятельств. Это правило распространяется, например, на некоторые жанры. Упраздняя тех или иных писателей, запрещая их произведения, идеологическая опричнина расправлялась заодно с целыми творческими направлениями. Происходила эта экзекуция по принципу чрезвычайно простому (хотя из-за своей за-